

И.А. МОРОЗОВ, О.Е. ФРОЛОВА
(Москва)

ТЕМА ИЗОБИЛИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX—XX веков В СВЕТЕ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

По данным словарей слово *изобилие*, происходящее от древнерусского глагола *изобилувати* 'быть в избытке'¹, первоначально имело одно значение, которое можно было бы определить так: 'больше, чем необходимо'. Его синонимами являются слова *богатство* и *обилие*².

Значение слова *изобилие*, по-видимому, связано с урожаем, который при традиционном укладе являлся главным богатством. По мнению О.Н. Трубачева, оно восходит к более древней семантике общеславянского корня **obilь*, который является производным от «бить» при вероятном развитии значения: «обитое, обмолоченное» > «изобилие, множество»³. Это значение сохранилось в северно-русских говорах: слово «обилие» может обозначать *урожай*: «хлеб (на корню и в земле)», «овощ всякого рода» («Обилье еще не убрано, не молочено» — арханг.)⁴.

Понятия *обилия* и *богатства*, напрямую связанные с *изобилием*, включают в себя такие значения, как *достаток*, *довольство* и *роскошь*⁵.

Таким образом, по словарным материалам выделяются такие значения понятия *изобилие*, как «большое количество», «богатство, зажиточность», причем с усилением — как «избыток», «сверхдостаток во всем» и даже как «то, что не кончается, не иссякает». Слово *изобилие* входит в ряд близких ему по значениям имен существительных: *богатство*, *обилие*, *роскошь*, *достаток*, *зажиточность*, но не является их полным синонимом. Рассматривая лексический ряд «*богатство*» — «*роскошь*» — «*изобилие*», необходимо отметить существенную разницу в их языковой прагматике. «Богатство» в прямом значении слова — это материальные ценности, которые *добываются*, *накапливаются* самим обладателем или принадлежат ему изначально (ср. «*природные богатства*»). Оно, как правило, не связано со значением избыточности: «богатства» не может быть

«слишком много». Даже словосочетание «несметные богатства» не подразумевает неисчерпаемости, а обозначает всего лишь «очень большое количество». Понятие «богатство» может быть связано с понятием «изобилие», быть его составляющей, но оно никогда не исчерпывает его. «Роскошь» в этом смысле гораздо ближе к «богатству», чем к «изобилию»; это то, что *добывается*, *приобретается*, хотя и имеет оттенок значения «излишество, избыточное количество; нечто сверх меры». Именно некое «нарушение меры» и способствовало, по-видимому, развитию отрицательных коннотаций понятия «роскошь»: это нечто предосудительное, почти постыдное, то, что «не так, как у людей». Тем самым «изобилие» четко отграничивается от «богатства», так как оно не может быть *добыто*, оно *дается*, *ниспосылается* человеку *свыше*. Более того, «изобилие» — это благо, которым *невозможно реально обладать*. Реальность «изобилия» может быть осуществлена только в прошлом или простирается на будущее, в настоящем оно невозможно. Причем для «изобилия», в отличие от «роскоши», характерна положительная маркированность — оно всегда осознается «со знаком плюс». Следовательно, «изобилие» можно определить как некую социально-психологическую категорию: гармоничное состояние материального довольства, ведущее к счастью. Отсюда и более частные его признаки: оно тесно связано с понятиями *счастья* и *красоты*, т.е. включает в себя некое эстетическое начало; изобилие неотделимо от понятий *здоровья*, *продуктивности* (плодовитости, плодородия) и *полноты* в самом широком смысле (полноты и целостности жизни, окружающего мира, тучности).

В фольклорном сознании *изобилие* устойчиво ассоциируется с такими фундаментальными для традиционного быта благами, как *скот* (в первую очередь — поголовье скота, его количество), *большая семья* (прежде всего — множество детей, «потомство»), *богатый урожай* (что передается обычно образами огромных копен и снопов в жнивных песнях и колядках), *избыток*, *множество еды* — *питья*.

В народных магических формулах, призванных спровоцировать хороший приплод скота и птицы, обильный урожай или надой (формулы сравнений-провокаций или *quomodo*-формулы), т.е. достаток и *изобилие*, используются идиоматизмы со значением большого количества. В обряде «ок-

ликания звезд» в день Онисима Овчарника (15 февраля) пастух произносит заговор: «Как по поднебесью звездам несть числа, так у раба Божьего (имярек) уродилось бы овец более того!»⁶. В Полесье выставляют под звезды домашнюю посуду, в т.ч. подойник, что, по мнению А.Ф. Журавлева, должно рассматриваться как «провоцирование изобилия, в данном случае молока»⁷. С этими же смыслами связан обычай закармливания скота освященным зерном (символ плодородия и большого количества) накануне Рождества, Нового года или Крещения, а также на Покров. В последнем случае использовалось зерно из последнего снопа, сжатого в этом году⁸. Семантика изобилия присуща и большинству обрядов, направленных на продуцирование дождя и активно использующих знаки и символы «большого количества»: сеяние мака или зерен в колодец или источник, обливание (аналог посыпания зернами), купание. Поэтому «на Пасху обливают водой попа, чтобы много было молока»⁹.

«Изобилие» воплощается в *полноте* — не только в прямом значении: в *тучности* («дородная баба»; ср. в т.ч. «тучные стада»), но и в переносном: в *наполненности*, избытке. Это отражено в выражении «у него дом — полна чаша», а также подблюдных песнях типа: «Растворила квашоночку на донушке, / Стала наутро с краем наравне» — «к хорошей, богатой жизни» (ср. с обычаем наливать во время застолья чару с краями наравне, что символизирует достаток в доме). Само же понятие «полноты» напрямую связывается с плодovitостью и плодородностью, в частности, с беременностью. Связь этих понятий в фольклоре получает отражение в обрядности. Например, по народным представлениям, «когда купленную корову приводят на двор, то ее должен встретить *тучный* (полный) человек или, еще лучше, — беременная женщина, чтоб скотина пришлась обильною молоком и плодородною»¹⁰. За новорожденным теленком в первые часы или дни его жизни должен был присматривать *самый толстый* человек в семье, а корову перед случкой с быком кормила из подола *беременная* женщина¹¹.

Сложность достижения *изобилия* в настоящем предполагает связь его с иным миром и наделение свойством *изобильности* всего *потустороннего*. В этом же ряду стоит связь *изобилия* с *нереальным*. Изобилие, как и богатство, — главный признак всего, что связано с миром «тридевятого

царства» в народных сказках (скатерть-самобранка, «молочные реки — кисельные берега», тучные и бесчисленные стада Кошца или Змея и т.п.). Средоточие изобилия — рай, который в народных легендах представляет собой сад с золотой травой и с яблонями, на которых растут золотые яблоки¹². Хранителями недоступного изобилия являются умершие предки. У них испрашивается изобилие. Отсюда — устойчивая связь в народных представлениях понятия изобилия с прошлым, «временем предков», воплотившаяся в представлениях о «золотом веке», «библейском изобилии».

Вместе с тем, в традиционном миропорядке *изобилие* вполне могло реализовываться в настоящем. Моделью и локусом, которые овеществляют его наяву, является *праздник*, а его повседневными реализациями предстают праздничное (в т.ч. свадебное) *застолье*, *гуляние* и *ярмарка*.

Русская классическая литература XIX в. представляет себе изобилие в русле народной традиции.

Полный достаток, изобилие связывается с представлениями о «золотом веке», т.е. с миром предков. Так, в «Истории села Горюхина» Белкин, говоря о зажиточности Горюхина, выделяет типично народный признак, подчеркивающий особое довольство его жителей: «Женщины отличаются <...> дородностью»¹³. При этом недостижимость изобилия в реальной жизни подчеркивается самим названием села и ироническим комментарием А.С. Пушкина: «Темные предания гласят, что некогда Горюхино было село богатое и обширное, что все жители оно были зажиточны... В то время всё покупали дешево, а дорого продавали. Приказчиков не существовало, старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припеваючи, и пастухи стерегли стадо в сапогах. Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною. Мысль о золотом веке сродна всем народам и доказывает только, что люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения»¹⁴.

В романе И.А. Гончарова «Обломов» тема *изобилия* воплощается во сне Обломова, его воспоминаниях о своем детстве, которые рисуют картину утопии: счастливого изобильного края, где невозможны ни преступления, ни несчастья, где нет ни бурь, ни смерти. Смысл жизни в Обломовке — непрерывное поглощение пищи, запасы ко-

торой неисчерпаемы. «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! <...> Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!»¹⁵. И хозяйева имения, и крепостные все время едят от души и безмятежно спят, причем в глубокий послеобеденный сон погружаются все: и животные и люди («Иной, прикрыв лицо платком от мух, засыпал там, где сморила его жара и повалил громоздкий обед»)¹⁶ — превращая изобильное царство в ирреальный мир полумертвых, полумертвецов. Сон во сне — своеобразный мир мертвых. Сам герой, прекрасно понимая пугающую иллюзорность изобильного и покойного мира, упорно не хочет сопоставления своего сна-мечты с реальностью. Несмотря на все уговоры Штольца съездить в родовое имение, Обломов так и не поехал туда.

Важно, что и в повести А.С. Пушкина, и в романе И.А. Гончарова *изобилие* тесно связано с понятием *утопии*, независимо от того, отдают ли герои себе в этом отчет.

Реализация изобилия в праздничном хронотопе представлена в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», и прежде всего в повести «Сорочинская ярмарка», действие в которой отнесено к прошлому — к XVII в. Характерны художественные приемы, используемые Н.В. Гоголем для изображения вещного изобилия. Роскошь южной природы соседствует с шумом и богатством ярмарки. В соответствии с народными представлениями изобилие осуществимо лишь в локусе праздника, образным воплощением которого является ярмарка. Несмотря на отсутствие в повести ее пространного описания, впечатление изобилия возникает у читателя благодаря авторскому выбору предметных деталей и выстраиванию длинных предметных рядов. «Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуётся перед глазами»¹⁷. Способ характеристики в «Вечерах...» основан на намеренном нагнетании признаков «золотой», «огненный», «медный», «красный»¹⁸, которые в народных представлениях ассоциируются с богатством (ср. «червонное золото»).

Ассоциативная связь мира предков со сверхобилием, прежде всего изобилием пищи, прослеживается в русской литературе вплоть до первой трети нашего века. В

качестве показательного примера можно привести отрывок из «Лета Господня» Ивана Шмелева, посвященный великопостной трапезе, в котором более полстраницы текста занимает перечень великопостных яств: «А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... А кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то "коливо"! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а <...> великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками...» и т. д. Характерно заключение этого страстного фантазмагорического монолога: «Неужели и там, куда все уходит из этой жизни, будет такое постное!»¹⁹. Мир пищевого изобилия неожиданно соотносится рассказчиком с ожидаемым после смерти «изобильным раем».

Переосмысление темы изобилия в ее реализации, связанной с обильной едой и праздником, встречаем в рассказе А.П. Чехова «О бренности». Семен Семенович Подтыкин готовится есть блины. «Перед ним, как перед полководцем, осматривающим поле битвы, расстилалась целая картина... Посреди стола, вытянувшись во фронт, стояли стройные бутылки. Тут были три сорта водок, киевская наливка, шотландский, рейнвейн и даже пузатый сосуд с произведением отцов бенедиктинцев. Вокруг напитков в художественном беспорядке теснились сельди с горчичным соусом, кильки, сметана, зернистая икра (3 руб. 40 коп. за фунт), свежая семга и проч.»²⁰. Напомним, что когда герой собрался отправить в рот аппетитный блин, его хватил апоплексический удар. Обильная еда мыслится как излишество и обладает не созидательным, творящим радость и счастье, но разрушительным, губительным началом.

Изобилие как гармоничное соединение здоровья, плодородия, материального и духовного достатка и богатство как только большое имущество, т.е. достаток главным образом материальный, в русской художественной литературе прошлого века последовательно различаются. Богатство, возможность разбогатеть вполне реальны. Изобилие художественные тексты относят к миру ирреальному: т.е. оно осуществимо в *прошлом* («История села Горюхина»), в *мечте или во сне* («Обломов»), в *идеальном будущем* (второй том «Мертвых душ»). Причем от богатства, которое может «при-

ходить» и «уходить», изобилие принципиально отличает такой признак как неиссякаемость.

Контрдоводом этому может, как кажется, служить повесть Н.В. Гоголя «Старосветские помещики». Автор представляет идиллическую картину полного достатка Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Герои заняты приготовлением пищи и ее поеданием. При этом ни воровство, ни обжорство не умаляют богатства помещиков. «Но сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все во дворе, начиная от ключницы до свиней..., сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни..., сколько ни крали гости, флегматические кучера и лакеи, — но благословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные хищения были вовсе незаметными в их хозяйстве»²¹. Крепостные девушки помещиков все время беременеют, несмотря на отсутствие достаточных на то оснований («Тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей»)²². Однако плодородие всего «имения» — земли и крепостных — не затрагивает помещиков: сами они бездетны. Таким образом, изобилие оказывается неполным и хрупким и разрушается со смертью Пульхерии Ивановны. Здесь проявляется еще одно важное свойство изобилия — его связь с социальной гармонией. Изобилие может быть только *полным и коллективным* (в то время как богатство и роскошь — вполне достижимая цель для отдельного человека).

У Н.В. Гоголя достижение изобилия, понимаемого его персонажами как простое богатство, приводит к противоположным результатам: примером этого может служить Плюшкин. Кроме того, изобилие невозможно без эстетического элемента. Изобилие, как мы помним, положительно маркировано. Из этого следует, что не может существовать изобилия плохих вещей, изобилие не может быть уродливым. Поэтому достаток и крепкая хозяйственная основательность Собакевича в «Мертвых душах» могут быть только богатством²³. Хотя композиционно обязательное описание обеда Чичикова у каждого помещика показывает, что трапеза у Собакевича самая обильная.

Это последовательное разделение *богатства* как достижимого упорным трудом и *изобилия* как не заработанного, а

данного свыше состояния продолжается и во втором томе «Мертвых душ», где Петр Петрович Петух с его хлебосольством, любовью к готовке и застолию сопоставляется с рациональным и трудолюбивым помещиком Константином Федоровичем Скудонжогло. Обильный обед Петра Петровича Петуха нескончаем. Хозяин вездущ и неутомим вполне в духе народного хлебосольства. «Скоро вокруг подносов и графинов обставилось ожерелье тарелок — икра, сыры, соленые грузди, опёнки, да новые приносы из кухни чего-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. <...> Закуске последовал обед»²⁴.

Сравним с этим весьма скудное описание ужина у Скудонжогло: «Служитель снял крышку с суповой чашки; все со стульями придвинулись ближе к столу, и началось хлебание супа»²⁵. И это вовсе не потому, что хозяин ограничен в средствах. Скудонжогло — «первый хозяин, какой когда-либо бывал на Руси»²⁶. Скорее здесь идет речь о *щедрости* и *скупости* как константных признаках, отличающих «естественное» богатство, которое способствует изобилию (потому щедрость и назойливое потчевание гостей — неотъемлемая часть народного этикета), и «неестественное» богатство, которое иссушает и, в конечном счете, может уничтожить его обладателя.

На наш взгляд, подобный подход к богатству как рациональному, достижимому достатку представлен у Л.Н. Толстого в эпилоге «Войны и мира». «Если цель обеда — питание тела, то тот, кто съест вдруг два обеда, достигнет, может быть, большего удовольствия, но не достигнет цели, ибо оба обеда не переварятся желудком»²⁷. То есть богатство и достаток, а следовательно, и счастье, по Толстому, — в *достижении естественного благополучия*, а не излишества, изобилия.

В живописи XIX—XX вв. понятие изобилия реализовано в *природном и человеческом измерении*, представленном в жанровых картинах и натюрмортах. Говоря о первом аспекте, следует прежде всего упомянуть И.И. Шишкина, у которого русская природа предстает в полном могуществе и силе. Любимые мотивы художника — широкий открытый горизонт²⁸, лес, могучие деревья²⁹. Природное богатство ассоциируется с огромным пространством, природными просторами.

Еще одним мотивом в пейзаже И.И. Шишкина, связанным с народными трактовками концепта изобилия и соединяющим природное и человеческое начала, является изображение хлебного поля. Одна из наиболее известных картин из шишкинского наследия («Рожь», 1878, ГТГ) соединяет три любимых художником мотива: широкий горизонт, высокие деревья, готовая к жатве нива.

Второй аспект темы *изобилия* в живописи связан с особым изображением предметной среды. Самостоятельное и самооценное изображение предметной среды отражено, прежде всего, в жанре натюрморта, который появился в русском изобразительном искусстве довольно поздно, в XVIII веке. Однако до начала XX века нельзя говорить о расцвете жанра. Но даже в эту эпоху натюрморт не изображал предметно исчислимого богатства.

Сопоставляя натюрморты разных мастеров, попытаемся определить, в каких предметных параметрах можно «измерить» и выразить изобилие средствами живописи. Традиционно натюрморт, представляющий «изображение окружающих человека вещей, размещенных, как правило, в реальной бытовой среде и композиционно организованных в единую группу»³⁰, состоит из предметов природных, выращенных (грибы, ягоды, цветы, фрукты, овощи, дичь) или результатов человеческой жизнедеятельности: а) хлеб и предметы сервировки стола; б) предметы кухонной утвари: чайники, кастрюли, подносы; в) предметы, принадлежащие к сферам искусства и науки (книги, скульптуры, картины, репродукции, дорогая посуда, фарфор).

Для авангардной группы «Бубновый валет» натюрморт стал прежде всего универсальным языком, с помощью которого можно было изобразить всё: человека, фигуру, пейзаж и, наконец, сам предметный мир. Поэтому из группы «Бубновый валет» выделяется, на наш взгляд, главным образом, как мастер натюрморта И.И. Машков. Постепенно от натюрморта как упражнения художник приходит к особому построению картины, организуя предметный мир, составляя предметы, которые призваны сформировать у зрителя некое представление о нем. Главенство натюрморта выразилось у Машкова в самом подходе к видимому миру.

Создавая натюрморты, И.И. Машков выбирает предметы, представляющие результаты человеческой жизнедеятельности,

связанные с природой, — хлеб, плоды (тыква, перцы, яблоки), мясо и дичь. При этом он стремится увеличить их размеры, расположив их на первом плане и таким образом приблизив к зрителю. Предметы заполняют все пространство. Таким приемом И.И. Машков создает впечатление огромных по размеру предметов³¹.

Показательно, что в более поздних натюрмортах количество предметов увеличивается: художник как бы отодвигается и вмещает в «кадр» — в картину — больше вещей. Для него важен не грандиозный размер вещей, а их количество («Снедь московская. Хлебы», 1924, ГТГ; «Снедь московская. Мясо, дичь», 1924, ГТГ). В ранних работах предметы ближе к зрителю и каждый предмет значительнее, реальнее и детализированнее. Стремление представить изобилие количественно и реалистично, предметно не найдет в истории русского искусства другого, столь же талантливого мастера, как И.И. Машков. В более позднее время попытки наглядно представить изобилие будут выглядеть как ангажированное искусство.

В русской культуре начала XX века появляется новая тенденция: здесь изобилие связывается уже не с «библейскими временами» и «золотым веком», а с торжествующим миром буржуазного «сегодня», миром бирж и ярмарок, пароходов и телеграфа. Так, М.А. Кузмин в стихотворении, посвященном О.А. Глебовой-Судейкиной, использует противопоставление старой и новой России как художественный прием³². Старая Россия, «прошлое» предстает в венице святынь, близких сердцу каждого русского человека, и перечне мест «менее достославных». А рядом с этим «смирненным кладбищем духа» — бушующая стихия «новой» России:

*Торговые дома,
Оптовые особенно:
Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни, —
Какое-то библейское изобилие ...
(выделено нами. — авт.)*

Торговая, ярмарочная стихия, известная еще по Н.В. Гоголю и в традиционном быту тесно связанная с праздничным овеществлением «изобильного рая», в контексте новой, буржуазной действительности получает новое осмысление как *праздник бытия*.

Зримое воплощение эта идея получает, например, в картинах Б.М. Кустодиева, которому принадлежит попытка сюжетного изображения богатства и изобилия в живописи. Кустодиевым написана серия картин, изображающих ярмарки («Ярмарка», 1906, ГТГ; «На ярмарке», 1910, Саратовский худ. музей). Любимые мотивы мастера: дородные купчихи и праздничная стихия масленичного гуляния, ярмарки — балаган, трактир. Все это на фоне красочно одетой толпы, торговых палаток, сказочного обилия товаров. Художник делает цвет более ярким, создавая впечатление лубочности, народной картинки.

В полном соответствии с фольклорным представлением о связи концепта «изобилия» с плодоносящим женским началом Б.М. Кустодиев изображает своих героинь — провинциальных купчих, дородных, неторопливых в движениях, с белыми, румяными лицами, полными руками. Когда художник пишет обнаженную натуру, он наделяет ее определенными социальными характеристиками, она — купчиха, «Русская Венера». Полотно «Купчихи» (1912, Киевский музей русского искусства) представляет полных, одетых в шелковые платья женщин в окружении полуреального города, как бы возникающего из сна. Женщины стоят на улице провинциального города, в окружении торговых вывесок. Фигуру в центре Кустодиев повернул спиной к зрителю. И здесь художник избирает ту же манеру, что и раньше: преувеличена звучность цвета, благодаря чему создается впечатление лубочности при отсутствии деформации изображаемых предметов.

Своим героиням он не изменяет даже после революции — одна из самых известных его купчих написана в 1918 г. Б.М. Кустодиев окружает своих героинь богатыми натюрмортами: здесь и арбуз, и яблоки, и пирог; бытовыми деталями, которые узнаваемы и принадлежат именно купеческому быту (шелковое розовое одеяло, сундук с розами и т.п.)³³.

Необходимо указать на тот факт, что художник одним из немногих попытался найти воплощение понятия изобилие не в женском, а в мужском облики. Моделью для Кустодиева стал Ф.И. Шаляпин — человек талантливый, красивый, статный, стройный и сильный. Художник одел его покупчески — в бобровую шубу нараспашку и шапку, поставил на высокое место, а в качестве фона написал масленичное гуляние. Сопоставляя варианты портрета

Ф.И. Шаляпина, можно проследить, как художник смягчает мужскую красоту и увеличивает дородность модели. Он включает портрет в своеобразную рамку теперь уже не существующего праздничного быта, изображенного в лубочной манере.

Таким образом, в позднем творчестве Б.М. Кустодиева важна и временная дистанция: его картины становятся ретроспективными. Мир праздников, купчих и ярмарок отошел в прошлое и уже изображался Кустодиевым как воспоминание, мир прошлого, некий аналог «мира предков». Несмотря на то, что художник продолжал работать в России и после революции 1917 г., он так и не обратился к новым темам. Даже создавая в 20-х годах серию «Русские типы», Кустодиев в условиях советского скудного быта сохраняет верность избранным темам и манере: это купцы и купчихи, торговцы, половой в трактире.

Богатый материал для суждений о преломлении народных представлений об «изобильном рае» в искусстве новейшего времени представляет творчество Н.А. Заболоцкого. Естественным местом воплощения «полного роскошества», прорывом в «иномирие» у этого поэта, как и в фольклоре и в традиционном быту, предстает пиршество, в частности, свадьба:

*Из кухни пышет дивным жаром.
Как золотые битюги,
Сегодня зреют там недаром
Ковриги, бабы, пироги.
Там кулебяка из кокетства
Сияет сердцем бытия...*

*...
Мясистых баб большая стая
Сидит вокруг, пером блистая
И лысый венчик горностая
Венчает груди, ожирев
В поту столетних королев.
Они едят густые сласти,
Хрюлят в неутоленной страсти
И распуская животы,
В тарелки жмутся и цветы...³⁴*

Это неистовство «изобилия плоти» стоит на грани бытия и небытия («Несутся бешеные пары в нагие пропасти зеркал»), прошлого и будущего и противопоставлено миру реальному («А там — молчанья грозный сон»)³⁵.

Картины изобилия у Н.А. Заболоцкого, как и в народных представлениях, связаны в первую очередь с миром еды, пищи; изобилие — это прежде всего «праздник живо-

та», а приготовление пищи — акт пости- не космический:

*В волшебном царстве калачей,
Где дым струится над пекарней...
Там тесто, выскочив из квашен,
Встает подобьем белых башен
И рвется в битву напролом.
Вперед! Настало время боя!
Ломая тысячи преград,
Оно ползет, урча и воя,
И не желает лезть назад.*

...
*И в этой, красной от натузи,
Пещере всех метаморфоз
Младенец-хлеб приподнял руки
И слово стройно произнес.
И пекарь огненной трубой
Трубил о нем во мрак ночной...»³⁶*

Появляется у Н.А. Заболоцкого и новая тема: торжествующее «сегодня» пре- дуготовляет «изобильный рай» будущего, светлого «завтра». Пожалуй, наиболее по- казательно в этом отношении стихотворение «Венчание плодами», посвященное И.В. Мичу- рину — апология человека-«хозяина и по- велителя природы».

*Плоды Мичурина, питомцы садовода,
Взращенные усилиями народа,
...
Лежите, образуя вокруг нас
Огромных яблоков живые вавилоны!
...
Отныне все прозрачно и кругло
В моих глазах. Земля в тяжелых сливах,
И тысячи людей, веселых и счастливых,
В ладонях держат персики, и барбарис
На шее девушки, блаженствуя, повис.
И новобрачные, едва поцеловавшись,
Глядят на нас, из яблок приподнявшись,
И мы венчаем их, и тысячи садов
Венчают нас венчанием плодов...»³⁷*

В этом стихотворении понятие изобилия тесно связано с социальной утопией, свет- лым будущим, приближение которого го- товил И.В. Мичурин.

«Сон» Н.А. Заболоцкого³⁸ совершенно противоположен сну Обломова. «Мир пред- ков» предстает во всем своем обнаженном «скелетном» аскетизме, лишенный всяко- го живого дыхания, движения, любви; он пустынен и не ведает гармоничной завер- шенной красоты земного бытия. Этот «без- гласный» и безжизненный мир, отмеченный в глазах поэта лишь «дикостью перво-

бытного убранства», странным образом диссонирует с утопическими картинками «светлого коммунистического завтра», мира всеобщего благосостояния и изобилия, которые столь старательно живописали многие современники поэта, и живо напо- минает читателю пугающие картины бу- дущего из романов А.П.Платонова и Е.И.Замятина.

Итак, сделаем предварительные выво- ды. Осмысление темы изобилия в русской художественной культуре свидетельству- ет о том, что в культуре XIX в. понимание изобилия первоначально опиралось на на- родные представления: богатство и изоби- лие являются разными, хотя и тесно взаи- мосвязанными сущностями; богатство до- стижимо, а изобилие возможно в прошлом — «золотой век», будущем — мечта, рай, загробный мир, в иллюзии — сон. Кроме того, изобилие воплощается в реальность во время праздничного застолья и на празд- ничной ярмарке.

Социальные изменения в России приве- ли в начале XX в. к переосмыслению кон- цепта «изобилие» в буржуазном духе. Это выразилось в постепенной нейтрализации различия между понятиями «богатство» и «изобилие», когда в идеале достижение бо- гатства стало мыслиться (по крайней мере в искусстве) как достижение изобилия. «Скатерть-самобранка», как народный сказочный образ не иссякающего изобилия, стремится воплотиться в городской ярмар- ке, в купеческом «многоядии» и приходит к нам в конце XX века в облике перепол- ненного всевозможным добром супермар- кета. Мечта стремится воплотиться в ре- альность. Причем изобилие оказывается в парадоксальной зависимости от богатства: чем ты богаче, тем более тебе доступно изобилие. Этот парадокс, известный и тра- диционной культуре, становится своеобразной квинтэссенцией буржуазности. Изо- билые становится возможным и достаточ- но широко доступным *сейчас и сегодня*. Но для обладания им необходимо быть бога- тым.

Характерно, что достижение изобилия в начале века связывалось как с личным обогащением, так и с приращением мощи и богатства государства. Вместе с тем, тра- диционные признаки изобилия — такие как полнота и тучность, обилие пищи — нача- ли приобретать чисто отрицательные кон- нотации, как атрибут мещанства («осетри-

на с душком» в чеховской «Даме с собачкой»). В эстетике послереволюционного периода подвергаются демифологизации и «мир предков» («золотой век»), и сон-мечта об «изобильном рае».

Таким образом, прослеживается определенная эволюция концепта «изобилия» от полного совпадения с традиционными народными представлениями к последовательному различению богатства и изобилия и, наконец, к фатальной зависимости изобилия от богатства. Вместе с тем, устойчивым оказывается связь изобилия с локалами праздника (ярмарки, свадьбы) и застолья, пира (пищи, еды). Дальнейшее развертывание представлений об «изобильном рае» в советский период связано с развитием утопических идеалов XIX века.

Примечания

¹ Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин и др. М., 1994. — С. 257.

² *Богатство* — 1. Обилие материальных ценностей, денег; роскошь, великолепие, пышность. 2. Совокупность материальных ценностей. 3. Обилие, множество, многообразие. *Обилие* — 1. Очень большое количество кого-л., чего-л. 2. Достаток, довольство.

³ С.И. Ожегов определяет *изобилие* как 'полное обилие', что находит соответствие в народных говорах, где слово «обилие» нередко предстает как абсолютный синоним «изобилия» (ср. у В.И. Даля: *обилие, обилье* — 'множество, избыток, изобилие'; 'богатство, довольство или роскошь'; *обильный* — 'изобильный, богатый, избыточный' и т. п.)

⁴ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. В 4-х тт. СПб.— М., 1912—1914. Т. 2. — С. 584.

⁵ *Достаток* — 1. Зажиточность, материальная обеспеченность. 2. Достаточное количество чего-л., изобилие (разг.). 3. Материальные средства, доходы (разг.); имущество. *Довольство* — 1. Чувство удовольствия, внутреннее удовлетворение. 2. Материальный достаток, зажиточность. *Роскошь* — 1. Внешнее великолепие, богатое, пышное убранство. 2. Излишество в жизненных удобствах и удовольствиях. 3. Изобилие, пышность (о растительности). 4. В знач. сказ. (разг.). О том, кто (или что) вызывает восхищение.

⁶ Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 7. СПб., 1849. — С. 13—14 (Тульская губ.).

⁷ Журавлев А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994. — С. 13.

⁸ См., например: Журавлев А. Ф. Указ. изд. — С. 14.

⁹ Толстые Н.И. и С.М. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // Славянский и балканский фольклор: Обряд Текст. М., 1978. — С. 114, прим. 10.

¹⁰ Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. М.,

1996. — С. 216 (Малороссия); Этнографический сборник, издаваемый ИРГО. Вып. 1. СПб., 1853. — С. 196—197; Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2: К — П. Пг., 1915 (Ливенский у. Орловской губ.).

¹¹ Журавлев А. Ф. Указ. изд. — С. 74.

¹² Здесь можно сослаться на работу Е.Н. Елеонской (Елеонская Е. Н. Представление того света в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994. — С. 42—50) и труды В. Я. Проппа.

¹³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1981. Т. 5 — С. 120.

¹⁴ Там же. — С. 123

¹⁵ Гончаров И. А. Обломов. М., 1971. — С. 114—115.

¹⁶ Там же. — С. 115.

¹⁷ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1959. Т. 1. — С. 19.

¹⁸ Там же. — С. 24. По наблюдениям А. Белого, доминирующий цвет всего цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» — красный (Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1996. — С. 136, 137).

¹⁹ Шмелев И. Избранное. М., 1989. — С. 285—286.

²⁰ Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 30-ти тт. М., 1976. Т. 4. — С. 364.

²¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1959. Т. 2. — С. 14.

²² Там же. — С. 12.

²³ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1959. Т. 5. — С. 97.

²⁴ Там же. — С. 316.

²⁵ Там же. — С. 336.

²⁶ Там же. — С. 321.

²⁷ Там же. — С. 273.

²⁸ «Полдень в окрестностях Москвы», 1969, ГТГ; «Рожь», 1878, ГТГ; «Среди долины ровныя», 1883, Киевский музей русского искусства; «Лесные дали», 1884, ГТГ.

²⁹ «Тевтобургский лес», 1865, ГРМ; «Рубка леса», 1867, ГТГ; «Лесная глушь», 1872, ГРМ; «Дебри», 1881, ГТГ; «Сосновый лес», 1885, ГРМ; «Дубы», 1887, ГРМ; «Мордовские дубы», 1981, ГРМ; «Корабельная роща», 1898, ГРМ.

³⁰ Популярная художественная энциклопедия. В 2-х тт. М., 1986. Т. 2. — С. 52.

³¹ Мы имеем в виду следующее: «Натюрморт. Хлебь», 1912, ГРМ; «Натюрморт. Тыква», 1914, ГТГ.

³² Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. — С. 240—243.

³³ «Русская Венера», 1920, ГТГ; «Красавица», 1921, ГТГ.

³⁴ Заболоцкий Н. А. Собр. соч. в 3-х тт. М., 1983—1984. Т. 1. — С. 49—50 («Свадьба», стихотворение 1928 г.).

³⁵ Заболоцкий Н. А. Там же.

³⁶ Заболоцкий Н. А. Там же. Т. 1. — С. 54 («Пекарня», стихотворение 1928 г.).

³⁷ Заболоцкий Н. А. Там же. Т. 1. — С. 164—165 («Венчание плодами», стихотворение 1932—[1948] гг.).

³⁸ Заболоцкий Н. А. Там же. Т. 1. — С. 250—251 («Сон», стихотворение 1953 г.).